

УДК 316:94(47).03

ТАТАРО-МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ И СОЦИАЛЬНАЯ АНОМИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Е. В. Климов

Всероссийский историко-этнографический музей,
отдел истории России, г. Торжок

Автор исследует явление социальной аномии (девиантного поведения, маргинализации, депрессии, суицидальных настроений и поступков), возникших в древнерусском обществе вследствие татаро-монгольского нашествия.

Ключевые слова: социальная аномия, татаро-монгольское нашествие, древнерусский эпос.

Переломным событием в истории Древней Руси стало монголо-татарское нашествие. Несмотря на глубокую изученность этого события и его последствий¹, за пределами внимания исследователей осталось такое явление как социальная аномия в древнерусском обществе, которая возникла как следствие потери независимости и разрушения материальных и духовных ценностей и социальных ориентиров для всех слоев населения русского общества.

Казалось бы, следовало ожидать развитие глубокой социальной аномии в домонгольский период вследствие принятия христианства и смены духовных ценностей. Но этого не произошло. Древнерусское общество синтезировало христианские духовные ценности, как близкие его традиционным устоям.

После татарского нашествия ситуация радикально изменилась, что заметно, прежде всего, на примере княжеско-дружинного сословия. Древнерусская элита потеряла свой социально-политический статус, оказалась под контролем баскаков, приходилось также подтверждать право на власть у ордынского хана. Более того, от него зависело и их право на жизнь. У многих наследников Александра Ярославича и Ярослава Ярославича отчетливо проявились черты «маргинальной» личности: беспокойство, агрессивность, честолюбие, эгоцентричность и др. Древнерусские правители в течение долгого времени ощущали себя в этом пограничном состоянии, так как ее безопас-

¹ См.: Паушто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982; Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений. М., 1980; Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977; Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и великая Степь. М., 2002 и др.

ность и социальный статус во многом зависел от настроений, симпатий и антипатий к ним ордынских ханов, их жен, наложниц и чиновников.

Основной причиной этого явления явилось разрушение «старых ценностей» и нравственных ориентиров. Впервые за 400 лет правления русская военно-политическая элита потеряла суверенитет и оказалась в зависимости от чужеземного правителя – хана Золотой Орды. И раньше русские князья нередко терпели поражения от внешних врагов: печенегов, половцев, византийцев. Но победители, если это были кочевники, завершали военные победы грабежами и разорением окраинных земель и уходили с добычей обратно в степь. На суверенитет русских князей никто из них не покушался. После нашествия монголов ситуация радикально изменилась: победители потребовали от побежденных признания хана верховным сувереном. Надежда на то, что «бог переменит Орду» полностью исчезла после поездки Ярослава и Александра Невского в Каракорум, столицу империи Чингизидов. Знакомство со сверхдержавой Средневековья заставило русских князей на долгое время отказаться даже думать о вооруженном сопротивлении. Понимание того, что империя несокрушима, не могло не отразиться на политической самоидентификации русской военно-политической элиты, что вынуждало смириться с новым положением и отказаться от многих традиций и нравственных ориентиров. Однако утрата «старых ценностей» не означала быстрого приобретения новых. Для их формирования необходимо определенное время, а в переходный период общество, как известно, находится в состоянии неопределенности. На это обстоятельство обратили внимание классики отечественной историографии. Так, В. О. Ключевский в свое время писал: «Карамзину более чем 300-летний период со смерти Ярослава I представлялся временем, “скудным делами славы и богатым ничтожными распрями многочисленных властителей”. У Соловьёва, впрочем, самое чувство тяжести, выносимое историком из изучения скудных и бесцветных памятников XIII—XIV вв., облеклось в коротенькую, но яркую характеристику периода. “Действующие лица действуют молча, воюют, мирятся, но ни сами не скажут, ни летописец от себя не прибавит, за что они воюют, вследствие чего мирятся; в городе, на дворе княжеском ничего не слышно, все тихо; все сидят, запершись и думают думу про себя; отворяются двери, выходят люди на сцену, делают что-нибудь, но делают молча”»².

Сам же автор дал следующую характеристику этому периоду: «... жизнь при северных княжеских дворах XIV в. наполнялась далеко не теми явлениями, какие господствовали при дворах прежних южных князей... Теперь ход дел давал дружине мало случаев искать себе чести, а князю славы. Княжеские усобицы удельного времени были не меньше прежнего тяжелы для мирного населения, но не имели уже прежнего боевого характера: в них было больше варварства, чем воинственности. И внешняя оборона земли не давала прежней пищи боевому духу дружин: из-за литовской границы до второй половины не было энергичного наступления на восток; а ор-

² Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций: в 3 кн. Ростов н/Д. 2000. Кн. 1. С. 324–341.

дынское иго надолго сняло с князей и их служилых людей необходимость оборонять юго-восточную окраину, служившую для южных князей XII в. главным питомником воинственных слуг, и даже после Куликовского побоища в эту сторону шло из Руси больше денег, чем ратных людей»³.

Причиной морального падения В. О. Ключевский, как и его предшественники, видел в установлении удельного порядка в Древней Руси: «Удельный порядок был причиной упадка земского сознания и нравственно-гражданского чувства в князьях, как и в обществе, гасил мысль о единстве и цельности Русской земли, об общем народном благе. Политическое дробление неизбежно вело к измельчанию политического сознания, к охлаждению земского чувства»⁴.

Соглашаясь с классиками отечественной историографии в целом, следует отметить, что причины упадка кроются не только в удельная системе: «падение нравов» явилось следствием татаро-монгольского нашествия. Именно оно привело древнерусское общество в состояние социальной аномии и «переоценки ценностей». Последнее особенно выразилось в борьбе за великокняжеский престол. Если в домонгольский период эта борьба велась на основе древней традиции и права⁵, то теперь, сразу же после разгрома русских княжеств татарами, она приобрела ранее невиданную форму. Теперь право на великое княжение нужно было получить у хана Золотой орды. Русские князья быстро усвоили, что это право (ярлык) можно купить. Борьбой князей за ярлык умело воспользовались ханы Золотой орды для усиления власти над завоеванными землями⁶.

В домонгольский период притязания на киевский великокняжеский престол обосновывались обычным правом, добивались его силой, в золотоордынский – добывали подкупом, лестью, обманом и интригами при ханском дворе. Первыми в борьбу «по новым правилам», вступили сыновья Ярослава Всеволодовича, погибшего, как считает С. М. Соловьёв, в результате интриги ростовских князей⁷. Сначала престол захватил Михаил Ярославич. Соловьёв видел в этом «совершенный произвол, совершенное невнимание ко всякому родовому праву, исключительное право сильного»⁸.

³ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 324–341.

⁴ Там же.

⁵ Климов Е. Е., Кабаченко А. П. Престолонаследие в Древней Руси. Вторая половина IX – середина XI вв. // Вопросы истории. 2009. № 12. С. 37–44.

⁶ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1939. Т. 2, вып. 1; Насонов А. Н. Монголы и Русь. М., 1940; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982; Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975; Греков И. Б. О характере ордыно-русских отношений второй половины XIII – начала XIV вв. // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 125–132; Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 186–210; и др.

⁷ Соловьёв С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикава дома. М., 2005. С. 130.

⁸ Там же. С. 131.

Пока Михаил Ярославич воевал с литовцами, его старшие братья Александр и Андрей Ярославичи отправились в Орду к хану Батью⁹. Это был первый случай, когда в борьбе за великокняжеский престол претенденты боролись путём интриг в шатре у золотоордынского владыки. Начавшись в 1248 г., эта борьба продолжалась до середины XIV в. Особенно драматично она проявилась в последней четверти XIII – первой четверти XIV в., когда «привел Андрей Александрович на брата своего Дмитрия князя великого, рать татарскую Тайтемира, Алыня и взяли Переяславль. В 6791 (1283 г.) опять рать была на великого князя Дмитрия»¹⁰. В Орду князь Андрей ходил, как это было принято, не с пустыми руками и не один. В этой борьбе он опирался на единомышленников из боярской среды. Получив заветный ярлык, в сопровождении сильного татарского отряда он вернулся на Русь и прогнал брата. Потеряв великокняжеский престол, князь Дмитрий бежал в ногайскую орду. С помощью хана Ногая он вернул себе владимирский престол. И не прав С. М. Соловьев, отождествлявший эти отношения между русскими князьями и ордынскими правителями «с прежними отношениями половецкими»¹¹. Половецкие ханы являлись союзниками того или иного русского князя-претендента. В новых условиях русские князья и их бояре (дружина) действовали не как союзники, а как клиентура ордынских патронов. Можно только удивляться, как быстро гордые и воинственные Рюриковичи превратились в политических интриганов и вероломных клеветников, готовых совершать любые подлости ради великокняжеского престола.

Аналогичные события произошли в эти же годы в Курске, где разыгралась кровавая трагедия между наследниками черниговских князей – Олегом и Святославом. Святослав поднял мятеж в ответ на жестокие притеснения татарского баскака Ахмета и убил его слуг. Это вызвало гнев золотоордынского хана, чем сразу же воспользовался князь Олег. Он убил Святослава, обвинив его в нарушении татарских законов.

Курская трагедия предвосхитила на несколько десятилетий поступок московского князя Ивана Калиты, который в 1327 г. совместно с татарами учинил погром в Твери после убийства там родственника хана Узбека¹². И хотя летописец пишет, что благодаря Ивану Калите на Руси установилась «тишина великая на 40 лет, и перестали поганые разорять Русскую землю и убивать христиан»¹³. Но подобная форма политического соперничества на современном языке называется коллаборационизмом.

Показательным примером являются междоусобицы сыновей Александра Невского. В 1293 г. коалиция из шести князей во главе с Андреем Городецким отправилась к покровителю великого князя Дмитрия хану Но-

⁹ *Татищев В. Н.* История Российская: в 3 т. М., 2003. Т. 2. С. 19.

¹⁰ Тверские летописи. Летописец Рогожский. Тверь. 1992. С. 58.

¹¹ *Соловьёв С. М.* История отношений между русскими князьями Рюрикава дома. С. 136.

¹² Тверские летописи. С. 73.

¹³ Там же. С. 75.

гаю интригуя против Дмитрия, в итоге Ногай передал ярлык на великое княжение горюдецкому князю.

Эти события весьма показательны: с этого времени военно-политическая элита древнерусского общества отказывается от традиционных ценностей и норм, сложившихся в домонгольский период, и начинает формировать новые. В переходный период общество находилось в состоянии социальной аномии.

Именно с этой точки зрения необходимо рассматривать ожесточённую и кровопролитную борьбу Юрия и Ивана Даниловичей против тверского князя Михаила Ярославича. Юрий Данилович, чтобы приобрести расположение хана, женится на его сестре, что, впрочем, напоминает домонгольскую практику приобретения союзников для достижения политических целей. Но коренное отличие династического брака Юрия Даниловича в том, что он приобрёл великокняжеский титул, а не военно-политический союз.

Но этим планам не суждено было осуществиться после поражения под Бортенево. Непонятно, с какой целью князь Юрий взял с собой в поход против Твери свою жену. Можно предположить, что присутствие в его войске сестры хана должно было оказать дополнительное психологическое воздействие на Михаила Ярославича и подчеркнуть родственные связи Юрия с золотоордынским властителем. Со смертью Агафьи этот фактор исчез, но появился другой – месть за гибель родственницы хана. Её смерть явилась важнейшим фактором политической борьбы за великокняжеский престол.

Неожиданной смертью Агафьи воспользовался Юрий Данилович. Он сумел переиграть своего оппонента в Орде, и Михаил Ярославович принял мученическую смерть. Тверской князь в данном случае проявил себя консерватором, так как отстаивал старинный родовой принцип наследования. В этом состоит трагичность образа святого князя¹⁴. Таким образом формировалась новая практика борьбы за политическое лидерство.

Татаро-монгольское нашествие открыло возможность предприимчивым представителям военно-политической элиты действовать по принципу «цель оправдывает средства», разбивая «старые скрижали» традиций и ценностей.

Нравственные трансформации заметны и в отношении к женщине: в поздних былинах о сватовстве¹⁵ показано положение девушки из богатой купеческой семьи, которая находится под опекой своих старших братьев (*сидит она в высоком тереме, /сидит заперта двумя дверями, / она замкнута тремя ключами*¹⁶). Примером изменения общественного положения русской женщины является и трагическая судьба Ульяны Вяземской. Князь Юрий Смоленский, влюбившийся в неё, убивает её мужа, князя Семёна Вя-

¹⁴ Федотов Г. В. Святые Древней Руси. М., 2003. С.

¹⁵ Классификация В. Проппа / См.: Пропп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955. С. 404–413.

¹⁶ Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860–1874. Вып. 2. С. 67.

земского. Устранением соперника он рассчитывал добиться благосклонности княгини. Но этого не произошло, Уляна отвергла его домогательства. Взбешенный отказом, Юрий изрубил её мечом, а тело бросил в реку¹⁷. Совершив тяжкое преступление, из приютившего его Торжка он бежит в Орду. Бегство спасло князя Юрия от светского суда, но он не обрёл душевного покоя и пытался найти его в покаянии. В этом сюжете присутствует пренебрежение традициями семейными и нравственными и одновременно рождение новой христианской традиции – покаяния. Сила её настолько велика, что князь-грешник, терзаемый угрызениями совести, бежит в пустыню. Примечателен финал трагедии: Юрий оказался в Рязанской земле, где жил у пустынноика Петра, замаливая грехи.

Судьба Уляны и Семёна Вяземских сходна с судьбой боярина Данилы Ловчанина – героя из эпоса более позднего периода¹⁸. К его жене вспылал страстью князь Владимир. По совету своих приближённых он отправляет Данилу на смертельно опасное задание, но тот возвращается с победой. Тогда Владимир отправляет против него свое войско. Осознав безвыходность положения, Данила, а вслед за ним и его супруга совершают самоубийство.

Суицид – один из важных показателей социальной аномии, если этот сюжет проникает в эпос, значит, в реальной жизни он становится заметным явлением. Самоубийством заканчивает жизнь былинный герой Сухман, причем после совершения воинского подвига. Случалось ли подобное в домонгольской Руси, трудно сказать, письменных свидетельств не обнаружено.

Социальная аномия приобретала различные проявления. Летописец новгородский особенно упрекает своих сограждан за грабежи на пожарах в 1267, 1293, 1311 гг. («Злые люди пали на грабежи; что было в церквах, все разграбили»)¹⁹.

В плачевном состоянии находилось правосудие: «В то время не было в Новгороде правды и правого суда, стали ябедники, изнарядили четы, обеты и крестные целования на неправды, начали грабить по селам, волостям и по городу...»²⁰, «... окаянии челоуьци, такоже бога не помнящее, ни суда божиа, ни жалобы имьюще, пограбиша чюжая имъния»²¹.

В домонгольский период также случались крупные пожары, но случаи мародёрства летописцами не зафиксированы.

Письменные источники указывают на распространение пьянства в обществе. Поражение московской дружины на реке Пьяне летописец объ-

¹⁷ Повесть о Иулиании Вяземской // Памятники литературы Древней Твери. Тверь, 2002. С. 46.

¹⁸ Пропп В. Я. Указ. соч. С. 384–393.

¹⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. С. 603.

²⁰ Там же.

²¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М., 2000. Т. 3. С. 334–335.

яняет причиной пьянства²². Подобный сюжет встречается в известиях об осаде Москвы Тохтамышем²³.

Пьянство, как социальное явление становится настолько распространенным, что проникает в былинный эпос. Один из популярных эпических героев Василий Буслаев уже в молодости «с веселыми, удалыми, добрыми молодцами до-пьяна уже стал напиваться». Повзрослев, он набирает себе дружину из таких же добрых молодцев, умеющих не только воевать, но и пить безмерно²⁴. Другого былинного богатыря Василия Игнатьевича посланники князя Владимира находят в кабаке, где он пропил своё состояние²⁵.

Ничего подобного не встречается в киевском цикле былинного эпоса. Известно высказывание великого князя Владимира «Руси есть веселье питье не можем бес того быти». Но в летописях нет сообщений о том, чтобы дружинники предавались питию накануне сражений. Пирыв Владимира Красное Солнышко – это пиры-советы, где принимались важные государственные решения, но не пропивалось «все житье-бытье, все богатство».

Таким образом, татаро-монгольское нашествие не только нанесло колоссальный материальный ущерб, но и привело древнерусское общество в состояние социальной аномии, следствием которой явилась «переоценка ценностей», что выразилось в изменении методов борьбы за ханские ярлыки, в отношении к женщине, к пьянству, в усилении девиантного поведения.

Список литературы:

1. Греков И. Б. О характере ордыно-русских отношений второй половины XIII начала XIV вв. // Древности славян и Руси. М., 1988.
2. Климов Е. Е., Кабаченко А. П. Престолонаследие в Древней Руси. Вторая половина IX – середина XI вв. // Вопросы истории. 2009. № 12.
3. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций: В 3 кн. Кн. 1. Ростов н/Д. 2000.
4. Проп В. Я. Русский героический эпос. Л., 1955.
5. Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 2005.
6. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2.
7. Татищев В. Н.
8. Федотов Г. В. Святые Древней Руси. М., 2003.
9. Черепнин Л. В. Монголы-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.

²² ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1. Стб. 451.

²³ Там же. Стб. 476.

²⁴ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1909–1910. С. 64.

²⁵ Там же. С. 174.

THE MONGOL INVASION AND SOCIAL ANOMIE OF OLD RUSSIAN SOCIETY

Ye. V. Klimov

The All-Russia Istoriko-Ethnographic Museum,
the department of history of Russia, Torzhok

For the first time in modern historiography in this article the author investigates a phenomenon of social anomie appeared in Old Russian society as a result of Mongol invasion. Social anomie is characterized by strengthening of deviant behavior, marginalization, depression, suicide moods and actions in the society.

Keywords: Social anomie, Tatar-Mongol invasion, Old Russian epos.

Об авторе:

КЛИМОВ Евгений Викторович – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории России Всероссийского историко-этнографического музея.

KLIMOV Yevgeny V. – Kandidat of Historicy, the head of Department of history of Russia of the All-Russian Istoriko-Ethnographic Museum.

E-mail: 52docent@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.04.2011.